

ЧЕТВЕРО ИЗМАНС
АРДЫАМФИАНРЕ
ШЕТОВНЕОЛРУДИ
НННКОЛАЙЧЕРНЫ
ШЕВСЕРГЕЙГЕРА
СИМОВМОСКВАНО
ЯБРЬ 1920

Over
45 qm.

Apur Nahrobury Todjrobj

Monbe
1420 gms. 1/2

H. Bgg
Amptman Remond

O. Terauchy
Meymann

Natura morte.

Каравай

Черного хлеба.

Жома водяная сгаль.

В пропасть зерного неба

Тяжелая облачная канитель.

Медь безмена.

Часов урюмных бой.

Желгизни лимона

Фигуртагхе обон.

Слободка.

У засады
Чвиргел по канавам падалъ,
Рулады ботек колерного кладбища скелеты
креслов.

Коробяся заборов спины развѣ,
По скобородам крыш кабаеся сонца
желток.

Задирают занавески закорузный подол.
Смордят граммофонов синие пасѣ.
Скрытых акаций козѣ сружий
Загнали времени узел гуго.
Остановись, не двигайся! Лусѣ
Сниѣя слободке и падали пѣиный
Сон.

Н. М. Чернышеву.

В е р.

Ходишь в валенках
По огнистому альказару.
Черные куды валишь
И рвешь крыш жабры.

Лудишь-гудишь камертоном
Валтасара
По кабелям небесных фабрик.

Реквием сиппий
Водобожных груб органа.

В уличь немом пригоне
Ляжет продрогший Эдип
Веки рваные.

1918.

Щелкают счефы фрактов.

В лапах гуркестанских песков и
скорпионов

Бугорок над дочкой Мариной.

Проклятые гуркменские диваны!

И острые ноги загабий на лезвие уграб!

Бродивший муш по ситному двора квадрабу,

Давивший пауков и плакавший об Иуде.

В ушах звон гарелок мещанского

Бланкенбурга,

Легаргия Балтики, крик фирвальдшведского
кабера.

Из ярославских пробалин и пург

Зовеш забываю могила мабери,

Кашляет дряхлый дом ивановский.

И опясть, как давно-давно, пылился гололя
лис

В лебе Пречисбенки,

Визжа сбрижи над креслами Власия.

Ждешь бледной Зимы покровы гиниского,

Сласби

Последних госбприимств.

1918. Лего.

Галка.

Над каналом

Галка.

(Сбращен земный зрак!)

В небосклоне алом

Киновари жалко —

Распустилась в прах.

У барьеров длинных

Ламп немая гамма.

В зеркалах и гинах

Меркнет амальгама

И горит в кобрах.

2 апр. 1918.

Анриет Рещегов

ДИКОЕ МОРЕ.

I

пароход шел в безбрежность. Дул худощавый берег, засти-
лая масленистые волны облизываться белыми язы-
ками. Море упруго и глупело зыщало, то разбрасывая
воду, как игривые карты, то сплавливая ее в
хрусталь.

Зеленолелые волны, шелкая как бигет мокрой-
ти волосами (о, их горький аромат) ловили и под-
талкивали солнце, не давая ему высказаться из
самоцветной воды.

Сквозь брызготаяющий шум он смотрел с
прыгающей паузой на космы вод. Зеленые.

Ее лицо...

О, это волн плывущая паутина. Чуводит вос-
поминания. Тело блестяло Вечерой под сду-
ваемым ветром, водным шумом.

Спрен... гаск...

Целые сонмы дерзких волн насканва-
ли на нас; их желтые голубые, хрустальстальные
глаза выкидывали зрачки сквозь золотые ресницы
и разбивались как композиции Пикассо.

Берег губами давил выноградинные волны.

То за дерзкими, то за своим собственным
хохотом серебряные гребни... Кружа корабль...
Звонкими французами хлестали солнце.

Стебрызгоклянно вздывалось море. С мокрым
рокотом валы переваливались.

— Неприязненные нервы... — утешался Л.

Ветер... облака...
и вот в толстых мыщцах воды запрыгала
буря. Ветер стал каждому валу ломать суста-
вы.

Гудом, в угаре... с кривляющимся баркасом,
откуда сняли трех рыбаков. Но и нам пообеща-
ла буря... и тревога била капитану в лицо, как
в барабан.

Рыбаков тревога кривляющимся гримас.

Стемнело.

С хищным криком некрылообитных волн свире-
пело лохматое море.

Пассажир с большими плавающими глаза-
ми, почти ничего не сказав, указал на баркас...

... о, конечно, наш пароход, с куривкающей
под ним водой...

— Да, — сказал Л.

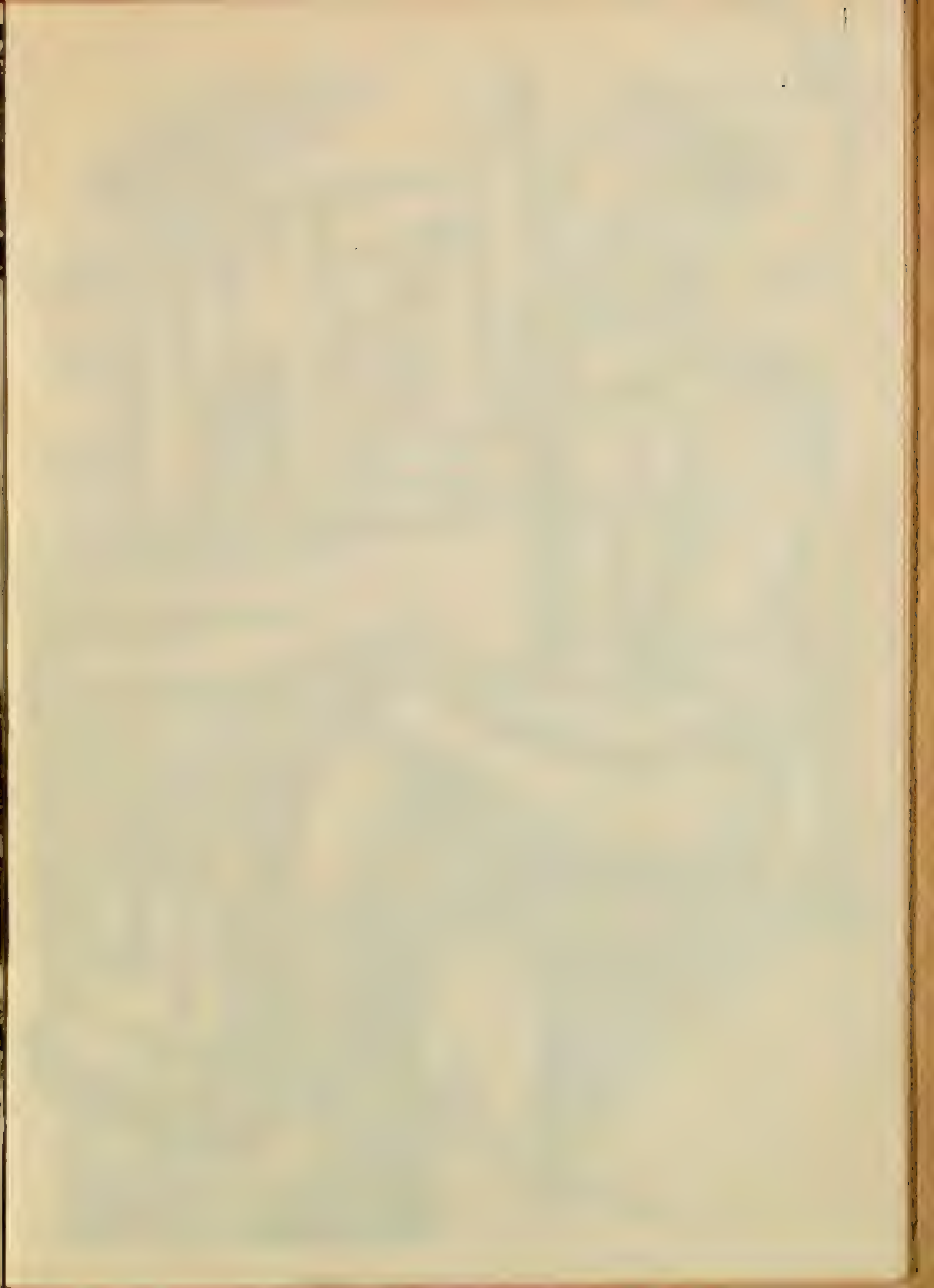
Баркас, зажатый голубым пламенем волн, от-
тело в сторону и векоре махнул его, как мо-
гилинные кресты, хоронили кого-то... И в море
опять ничего не осталось, кроме раскаленной
воли ветра.

II

Гудки.

Ночью стали раздавать погаса, запылавшие



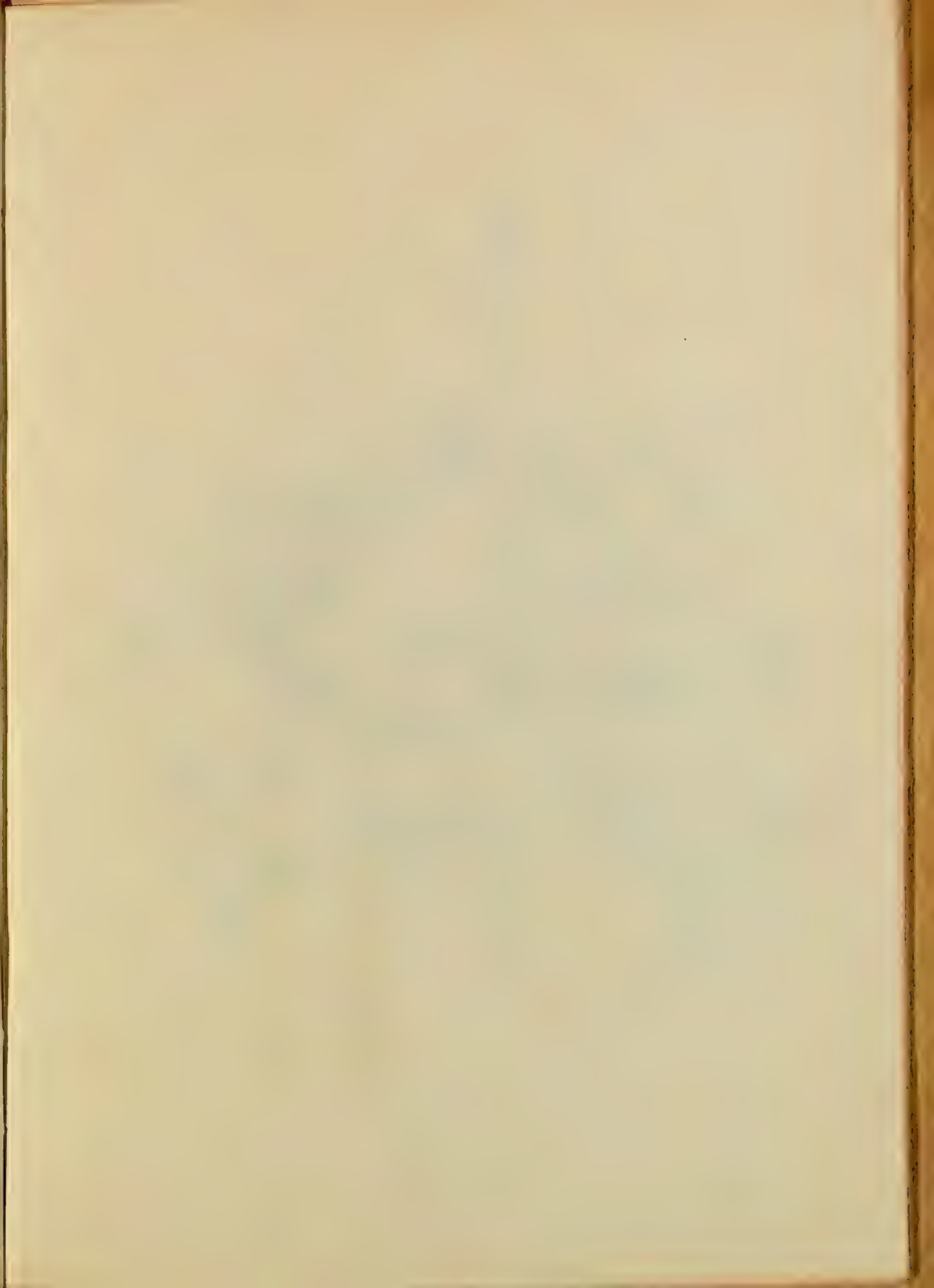


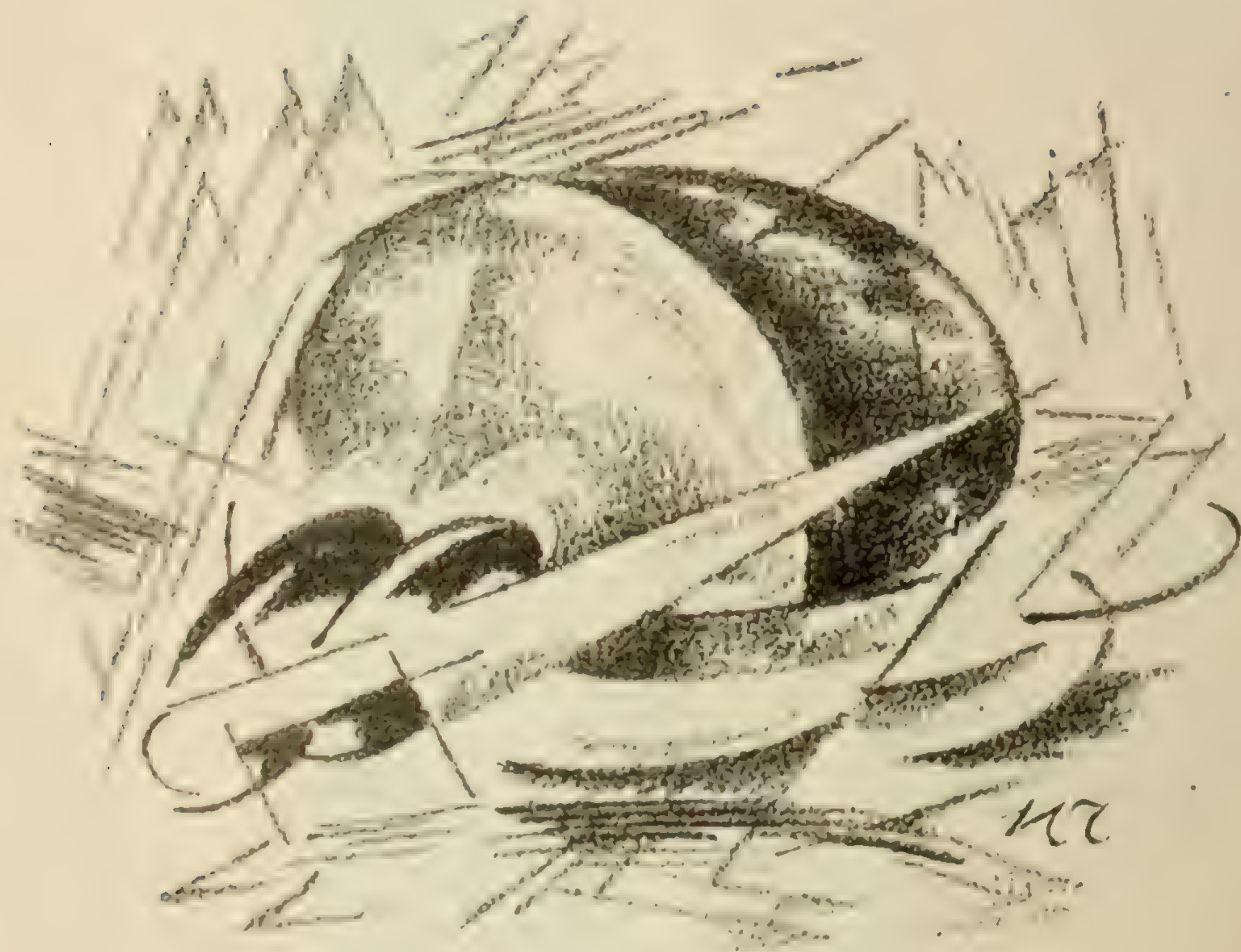


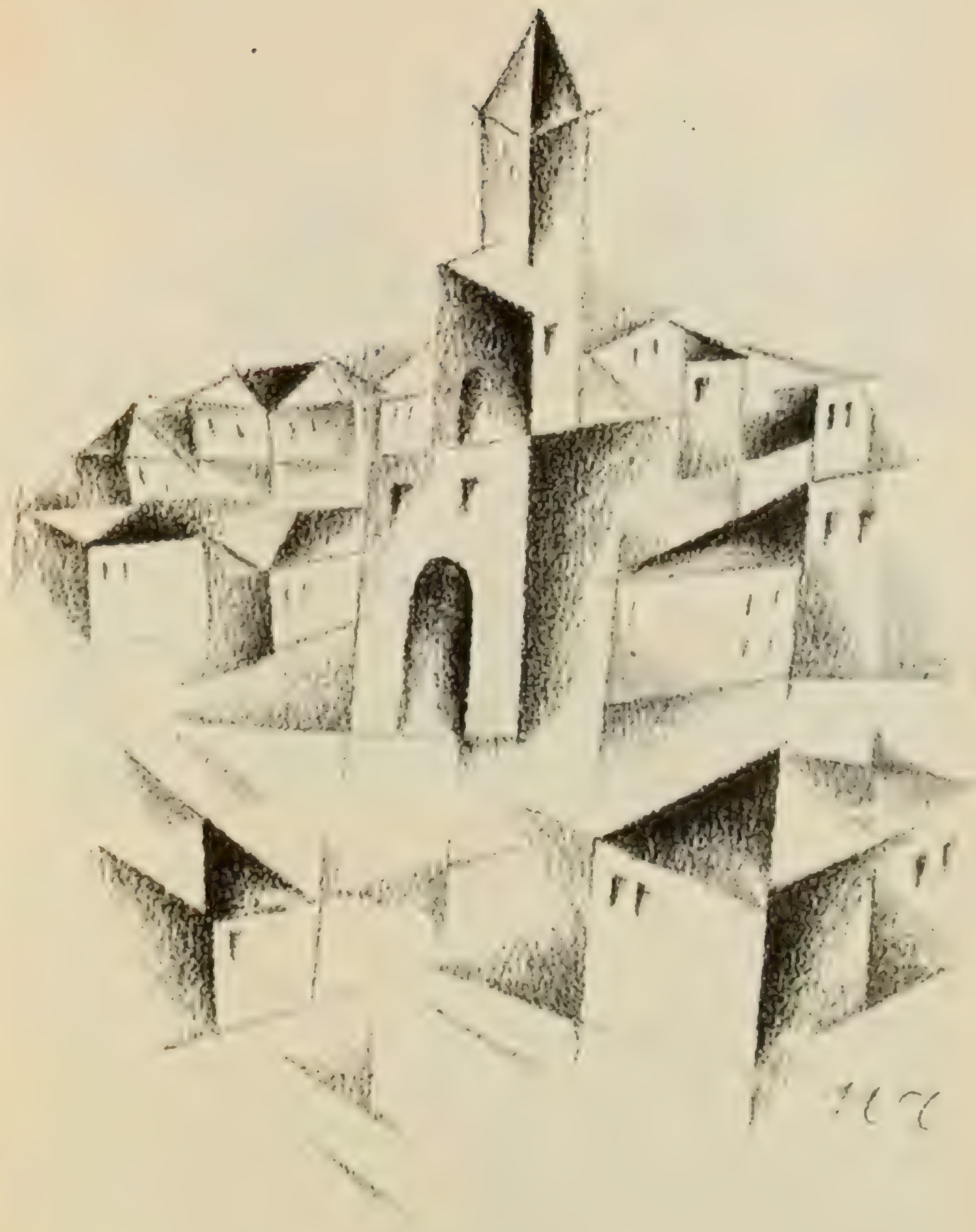
1. 1.



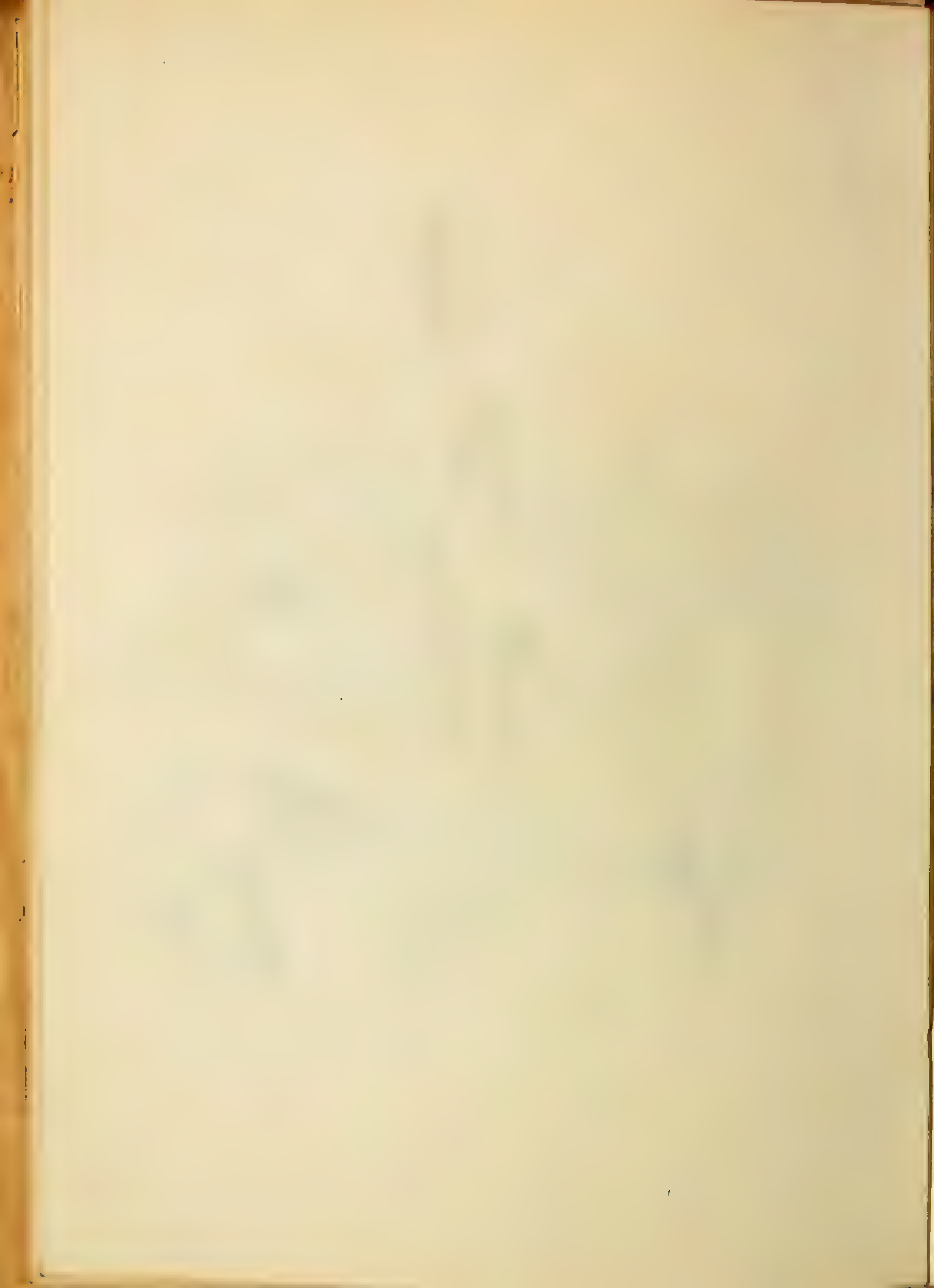


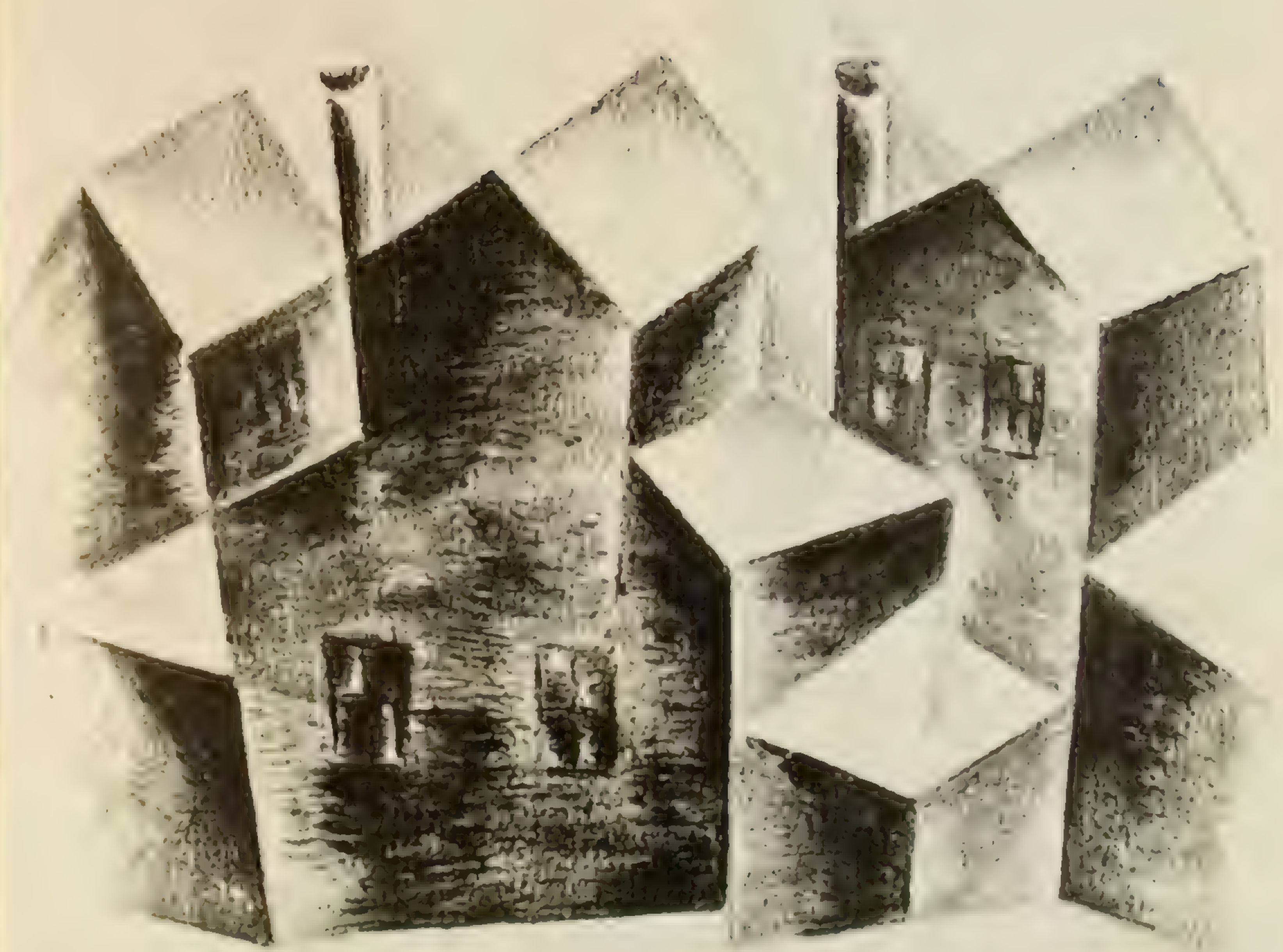






227

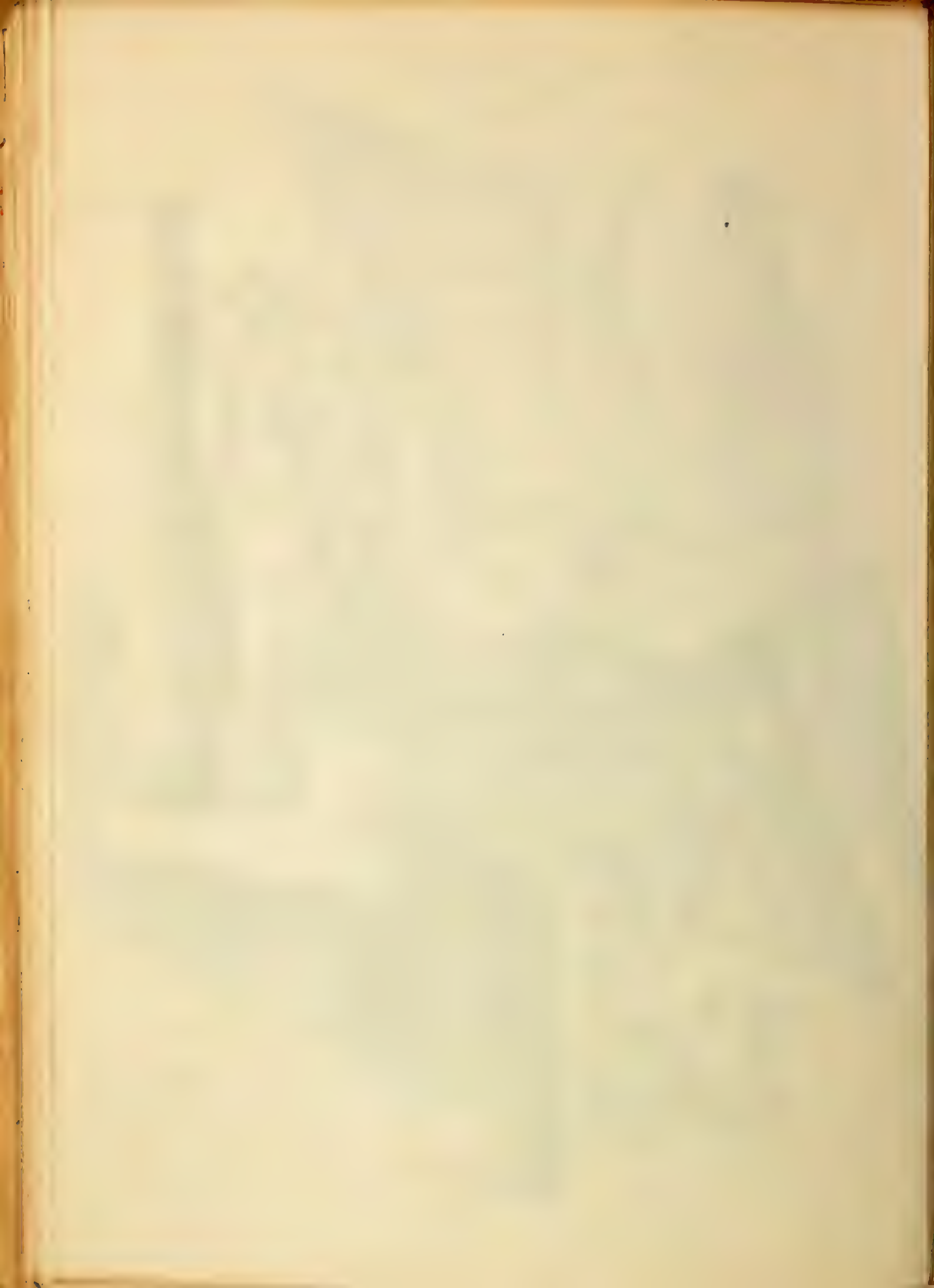








C.F.



на нервах. Вытекли мускулы.

Не от кипящего океана, не от ветра, укрывающего судьбу, а от жуткого вопля людей в припадке потный корабль. На смертном одре. Ббедя.

Бессмысленными стали; давили, кричали; проклинали Бога; еда в помощь уюта; за борт; цепи; выкидывали детей; бесноватая палуба; горный ветер; ног... гибнут...

III

Не смертью молчи — борьбой! Экстаз! Экстаз даже в физическую, о тепловых пред неизбежностью!

Я опомнился.

Лугам лампы человечек с глазами лезущими, как некро:

— Спаси?

— Спасай! — крикнул я, угрожал и таща к борту, — или...

Но палуба словно лопата выкинула обоих в бездну.

Мы обожженно бросились друг к другу и сцепились в одно, барахтаясь в воде. Пена обсыпала нас как мух.

Корабль? Где корабль?

Тьма вогнула легкий свет и вскоре огонь.

как свинной крик, брезался в ноздр. Тогда
в дуге плути заблестало червонное золото. Мы
разглядели развороженную навал, где копоши-
лись черви и по маграм прыгали крошеч-
ные огонь.

Вдоль плути копошились золото.

Непривоземские волны, как бы ждали
этого момента, чтобы организовать от бури
стаю медлительней.

Лес, лес, разлетевшимися глазами!

Неподалеку одна из шлюпок.

— У меня есть... спасу... — крикнул мой
спутник.

.

Ветер поперхнулся от загробного крика
живых. На море плыли несколько десят-
ков голов, рук и вздыблившихся плывов
Всплыло на поверхность, как мыло с нырнув-
шего купальщика.

Море притихло... в нем заборозтились
трещины, льются чужие кровь заражал.

Море темное понесло душу.

IV

Воды и пелены поднимитесь
и восстановите погоды.

А. Рэмбо

Когда нас, человек сорок сидело в шлюпке
и выгребало воду зажимая пробиты —

застывший парому склонился на бок.

Корабль погружается.

Грузы как лютки корабль, крылья пламени
вспархивали вверх и улетали в небо.

Корабль царственно опускается среди широкого
великолепия — Океана.

Вдруг, его, дрогнувшего последним сигналом
потопила слепящая пучина.

Вспархивали горючего сигналом.

Но глаза еще гудели жар, еще бегали
как раскаленные снаряды сквозь кристаллы вод
сверлились входам пренеподней. Еще секунда.
и ледяной мрак ватпиром впилил в
жирные волны. Они были молчаливой, голгофой.
Сжал футах фресорический отблеск вод, вни-
тавших в себя лики утопленников.

Тишина не нарушалась даже похоронным
гулом волн.

Средоточие.

Убийца угрюм.

В молчаливой толпе рука хлестком ударила
по борту, и сасом мокрая голова выплыва-
лась из низин. словно зверник утопших... Поэти-
ков дезольвия не ответил на вопросы Не труп
ли.

Норд-ост еще червнигал вышедшая нить.

В молчаньи не ответил угонших

— Отдайте мне!... Отдайте!

1917.

Неол Рудин.

ОСТРОВ МОЛЧАНИЯ.

I

Графу — полудеспт. Лицо суровое, худое. Борода
жадом.

— Коня!

Молга берет конь.

Нозь.

— Вина! Шляпу!

И вино. И шляпа.

Граф взглядом рискнул окно. Его глаза глядят
всегда, как рога безумного быка.

— Кто идет по аллее?

Графу ни до кого нет дела.

Льет в бокал зерное вино.

— Да... старая бутылка... словно темная церковь,
и вино в ней искрится как ночная лампада. И
этикетка меркнет как икона.

Отпил.

Старая бутылка... блестящая, как змея.

Верстовые шаги... затихший топот... — больше
ничего в ногах.

II

Это вздыхают гребни моря, падал на скалы
и рифы острова.

Смотрит в волны бесконечно.

На свете одна душа. Его.

Что же море? Лишь золотистый тик кораблей,
скрытых рябью солнца, да парусиновые уши
бригов, слушающие ветры.

Что же роуина? Лишь поезда извиваются

жу́жа сталью, ча волокистый дым фабричных
труб стелется по полям и прокалывает глаза
озер.

Встал и воткнул в море: я без родины.

Лицо прорвало горизонт. Крутой гул сорвался с
утесов.

— Остров, голый как мои скулы, что такое родина?

Загромыхали волны.

— Радоеть в себе.

III

Граф не спит.

Катастрофы ли в доме, в душе, в Европе...

— Коня!

С ветром, в даль своего одиночества.

В комнате он и полночь.

Книга рвет из мира, как из пожара.

Гуть слышно емагивают ноги тасы.

Дым сгусты, как глыба мрамора. Рукой — и
глыба покорно идет.

— У сына бред... агония...

— Облететь!

Яд.

IV

Буря.

Чинары принали к земле. Море скажет
по ним. Вилла вздрагивает. Стекля ее
протекают в подземелья. Кричат и молят-
ся кипарисы.

Над морем, с очумелой тоской.

— О, сегодня глаза мои... Перестань море!
молчащий как века. К безумию.
Корабль!? Это совесть.

А ветер рвет волосы, выдувая плечи.

V

Утрупы сына.

— Успокоился ли ты, мой мальчик?

О, корабль-совесть!

Как некогда про Мидаса, камыши поведают
людям тайну.

Жил легко. Чудовищным нелюдским покоем...
Пустоты и гармонии.

Корабль разбился о рифы.

— О, Сатана! ты ль один поправляешь
Бога?...

Ночь.

Отвечило сердце.

Прибой бьет слепым забвением. Только
волны — соленые, глухие, старые, беспредель-
ные... Кипарисы затирают биллу. Птиц
нет. Безмолвие.

1918.

Неор Рудин

ВЕШНИЕ ЧАРЫ.

глава из
романа.

Уж ружьи как ребра побежали за днями.
Солнце поставлено на огонь, вот-вот зашипит,
как яичница — брызнет оловом.

— Здравейте!

И в окнах те человечки, что забыты как
пиемта в столе.

Каждый прохожий, ветерок перла-
мутром лужицы красит, на уши ве-
шаетея.

Неумолкаемые минуты.

— Она... она... да, пусть... Пусть... Ведь и
глухарь кричит только по-утру.

Весны в мыле.

— Солнца мне! мартовских испуган-
ных ветров! Пророчеств журавлиных!

Стой, стой! что ты сердце? что с тобой?

Это кукурузу мостовой клюет одино-
чество. Это вор выламывает воспоми-
нания. Это совы гадят в сталактиты
ночи. Это коты древними возгласами
насыщают любовь. Это лепет первых
малокровных ночей...

— Слѣдѣте!

В сѣрбгах утра застыли сновидения.

— Слѣдѣте!

Пучкам фиалок лыковые галстуки
заблѣжет настух. Старый.

О, азалии, у лезгинки весен...

Там и я безликий, далекий... — а
март вновь и вновь, как гусеница,
созен...

Неол Рудин

СОДЕРЖАНИЕ: стихи Амфиана Решетова, проза Нео-
ла Рудина, рисунки Николая Чернышева и Сергея
Герасимова. Обложку резал Николай Чернышев.

Own N 23144

